

Даниэль
ПЕННАК

**ГОСПОДИН
МАЛОССЕН**

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2018

УДК 821.133.1
ББК 84(4)
П25

Daniel Pennac
MONSIEUR MALAUSSÈNE

Перевела с французского

Нина Калягина

Дизайнер обложки

Александр Андрейчук

Художник

Валерия Камелькова

Пеннак Д.

П25 Господин Малоссен : [роман] / Даниэль Пеннак;
[пер. с франц. Н. Калягиной] — СПб. : Аркадия,
2018. — 576 с. — (Серия «Французский детектив»).

ISBN 978-5-906986-39-9

Бенжамен, старший в «племени Малоссенов», и его возлюбленная Жюли решают обзавестись наследником и спасти от сноса старый кинотеатр «Зебра». Казалось бы, ничего сложного. Но вдруг как из-под земли вырастают старые враги. Убийства, взрывы, похищения, оговоры и подлог — они готовы на всё, лишь бы стереть Бенжамена и его родных с лица Земли. Но не тут-то было!..

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

© Éditions Gallimard, Paris, 1995

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-39-9

I. В честь жизни

Вы способны писать, Малоссен? Ведь нет?
Конечно, нет...
Ну так займитесь чем-нибудь попроще,
делайте детей, к примеру, хорошеньких
малышей, это будет очень мило!

Ребенок был прибит к двери, как птица несчастья. Огромные круглые совиные глаза.

А эти, все семеро, неслись вверх по лестнице, шагая через две ступеньки. Они, конечно, не знали, что на этот раз их ждет распятый ребенок. Они полагали, что уже всё видели на этом свете, и торопились обнаружить что-то новенькое. Еще два лестничных пролета, и маленький Иисус преградит им путь. Бог-дитя, живым пригвожденный к двери. Кому такое может прийти в голову?

В Бельвиле их уже по-всякому встречали, а что еще могли сделать? То их забрасывали тухлятиной и очистками, то с дикими воплями на них набрасывалась орда разъяренных фурий, расцарапывая им в кровь лицо. Однажды пришлось пробираться сквозь стадо баранов, запрудившее все шесть этажей: несколько сотен безмозглых, томно блеющих овец, подминаемых самцами, ревниво охраняющими свой гарем. В другой раз их ждал опустевший дом: покидая жилище, людской поток (оставлять — так все) опорожнялся прямо на ступеньках. Этот ковер, устлавший дорогу героям, потом сменил утренний дождичек, дерьмом пролившийся на головы судебных исполнителей.

Все, Бельвиль уже сделал все, что мог, но никогда — ни разу! — не случилось им уйти, не открыв дверь, которую они пришли открыть, не забрав движимое имущество, которое они пришли забрать, и не выставив вон неплательщиков, которых должны были выгнать. Их было семеро, и они всегда добивались своего. За ними стояло Право. Более того, они сами и были посланцами Закона, рыцарями Преимущественного права, невозмутимыми стражами у порога Терпимости. Они долго этому

учились, закаляли свой дух и теперь умеют справляться с эмоциями. И все же у них была душа. Под панцирем мускулов. Они раздавали то тумачи, то слова утешения — по желанию клиента, но всегда исполняли то, что от них требовалось. В сущности, они были гуманны, эти великолепные социальные животные.

У них даже имелись имена. Судебного исполнителя звали Ла-Эрс, мэтр Ла-Эрс с улицы Сен-Мор, его студента-стажера — Клеман, остальных четверых — грузчиков — тоже как-то звали, конечно; у слесаря было особенно пакостное имечко, которое не произнесешь, не сплюнув на благословенную землю Бельвиля: Шестьсу Белый Снег. Шестьсу Белый Снег, сезам стервятников — потрошителей должников, соловей, предвещающий приближение вышибал, первый проныра конторы Ла-Эрса.

Как Шестьсу мог сам спокойно жить в Бельвиле, участвуя во всех налетах Правосудия? Этот вопрос появлялся иногда на горизонте сознания Ла-Эрса, но долго там не задерживался. Всегда найдутся легавые, которых примутся осыпать ругательствами, или преподы, которым устраивают бойкоты, теноры, которых станут освистывать, или, наконец, судебные исполнители, которые вечно пользуются всеобщей ненавистью, ими самими же внушенной. Почему бы и слесарю-потрошителю не ходить по улицам родного квартала, среди несчастных, которых он оставил без крова? Это, наверно, приятно щекочет ему нервы. Так заключил мэтр Ла-Эрс, мудрый в своем реалистическом отношении к миру.

Итак, они неслись к распятому младенцу со спокойной душой и ясным сознанием. Тишина должна была бы смутить их, но нет: в стенах Бельвиля все всегда начинается с тишины. Они привыкли работать в команде, доверять своему внутреннему голосу. Они поднимались

по лестнице бегом — своеобразный знак качества. Они работали быстро и без колебаний. Студент Клеман летел впереди, за ним топали начальник и еще четверо подчиненных. Замыкал процессию Шестьсу, тоже бегом, хотя за плечами у него были все шестьдесят позорных лет.

Мэтр Ла-Эрс заметил сначала не ребенка, а выражение лица своего студента-стажера Клемана.

Тот застыл как вкопанный на лестничной площадке пятого этажа.

Он развернулся всем телом, согнувшись пополам, словно боксер, получивший под дых.

Глаза вылезли из орбит.

В глотке заклокотало, как в кратере.

Оттуда хлынула мощная струя дугой цвета беж, свидетельствующая о кислой среде и отличном пищеварении.

И так как юноша не смог предупредить это извержение усилием воли, мэтр Ла-Эрс также не успел поостеречься. Его собственный утренний круассан попросился наружу, за чем последовали и восемь кофе с коньяком, которые четверо грузчиков пропустили как раз перед тем, как направиться сюда.

Только слесаря миновало это извержение.

— Это что еще за бардак? — единственное, что выдавило из него врожденное чувство сострадания.

Даже не думая отступить, Шестьсу Белый Снег ринулся вперед, прокладывая себе путь сквозь потоки конвульсивных излияний. На площадке пятого этажа слабосильный стажер, скрючившись у стены, рыгал уже краткими очередями, попадавшими главным образом на ботинки патрону.

Тут Шестьсу заметил ребенка.

— Мать честная!

И, указывая на него, обернулся:

— Вы это видели?

И тут же понял по глазам, что мэтр Ла-Эрс только *это* и видел. Божественное откровение, ни больше, ни меньше. У остальных тоже были сейчас лица серафимов. Средневековые ангелы, ужаснувшиеся изнанке мира.

Все теперь смотрели на ребенка. Даже сквозь липкие пальцы стажера — куда уж хуже! — делать это было невыносимо. Огромные гвозди в форме заостренных пирамид — точно по Библии в голливудском прочтении, — вонзаясь в тело, раздробили детские кости, разорвав нежную плоть. При взгляде на ребенка казалось, что он не пригвожден, а вдавлен в дверь какой-то потусторонней силой.

— Глядите, да тут это везде...

Так говорят о мертвецах, в которых жизнь приучила нас видеть только останки, мертвую плоть. Эта так называемая плоть со следами запекшейся крови устилала всю площадку перед дверью.

— Они с него даже очки не сняли.

Да, и как это часто случается, подобные мелочи ужасали.

Широко раскрытые глаза ребенка смотрели на ничтожное собрание у его ног сквозь стекла розовых очков. Взгляд жертвенной совы.

— Как они могли... как?!

Мэтр Ла-Эрс обнаружил вдруг возмущенное неприятие насилия, в какой бы форме оно ни проявлялось.

— Смотрите, он еще дышит.

Если только можно назвать вдохом это шипение в растерзанных легких. Если можно назвать выдохом эту розоватую пену у детского рта.

— А руки... а ноги...

Уже ни рук, ни ног... их превратили в крошево чудовищные гвозди под длинными лохмотьями джеллабы. И, пожалуй, мерзостнее всего была эта раскромсанная, четырежды урезанная, когда-то белая накидка.

— Полицию, зовите скорее полицию! — мэтр Ла-Эрс отдал приказ громовым голосом, не в силах оторвать взгляд от истерзанного ребенка.

— Никакой полиции! — эту жизненную позицию Шестьсу могла поколебать только его смерть. — С каких это пор мы зовем полицию?

И в самом деле, одно из основных правил гласило: никогда не прибегать к силам правопорядка. С каких это пор для выполнения задания судебный исполнитель, компетентный, прекрасно подготовленный и, как положено, дававший присягу, обращается за помощью к посторонним?

При этом старый слесарь спокойно и пристально разглядывал физиономию малолетнего страдальца.

Тогда ребенок заговорил. Просветленно, как душа, которая уже отлетает. Он сказал:

— Вы не войдете туда.

Шестьсу удивленно поднял брови:

— Да? Можно узнать почему?

Ребенок ответил:

— Там еще хуже.

Более устрашающий ответ трудно и вообразить. Впрочем, Шестьсу это вовсе не смутило. Спокойно рассматривая кровавое месиво, он только и спросил:

— Можно попробовать?

Не дожидаясь разрешения, он окунул указательный палец в рану, зиявшую сквозь джеллабу на правом боку, осторожно слизнул, прищелкнул языком и вынес заключение:

— Острый соус.

Закатив глаза, он пытался установить, по возможности точнее, все компоненты приправы.

— Красный перец... Кетчуп...

Он причмокивал с видом настоящего знатока:

— Капелька малинового варенья...

Глядя на него, можно было подумать, что он всю жизнь только и занимался дегустацией казненных.

— Не понимаю, зачем понадобился лук?

— Для кожи, — ни с того ни с сего выпалил малыш, — ошметки на двери очень похожи на лоскуты человеческой...

Шестьсу теперь смотрел на него почти ласково.

— Ах ты, поганец...

Потом он заговорил нарочито грозным голосом:

— Ты заслужил достойного снятия с креста, это я тебе обещаю.

Он уже не улыбался, а гремел, даже грохотал. Черт возьми, сейчас он отшпилит эту мелкую пакость, в один момент, быстрее, чем обретет веру! Живое воплощение страшной мести, он, взревев, вдруг вскинул скрюченные пальцы.

И тут случилось чудо.

Руки слесаря вцепились в джеллабу, из которой выскользнула душа.

Ребенок исчез.

Все остальные сначала не поняли, почему Шестьсу съежился, схватившись за низ живота. И не смогли распознать голого карапуза в чем-то розовом и блестящем, с воплями перескочившего через скорчившегося студента-стажера Клемана и слетевшего вниз по лестнице, умудрившись не поскользнуться на их утренних излияниях. Когда же до них наконец дошло, что у «души» пятки в кроссовках, и они разглядели голый зад сорванца,

улепетывавшего живее некуда, было уже поздно. Двери на нижних площадках распахнулись, и галдящая орава разноцветной ребятни бросилась вдогонку за маленьким воскресшим богом.

2

— И что? Что потом? Дальше! Расскажи, как они вошли в квартиру!

— Я вам это уже сто раз рассказывал. Про слесаря они и не вспомнили, выбили дверь ногами, чтобы выпустить свой гнев.

— Вломились! Выбили дверь! Ай да судебный исполнитель! Хорош Ла-Эрс!

— Дальше! Дальше!

— Там они опять остановились, на этот раз из-за запаха, ясное дело.

— 2667 подгузников! Это мы, Нурдин, Лейла и я, их собирали, весь Бельвиль помогал: 2667 подгузников, полных по самые крылышки!

— Вы их разложили по всем комнатам?

— И даже сунули в масленку.

— Вот это бутерброд, в масленке вдовы Гриффар, представляешь?

— Это что! Вы еще главного не знаете...

— Что же, что главное? Расскажи, Шестьсу!

— Шестьсу! Шестьсу, расскажи главное!

Сожалею, но мне, Бенжамену Малоссену, крайне ответственному старшему брату в семействе, уже давно

пора вмешаться. Я прерываю повествование и торжественно объявляю, что категорически против участия моих братьев и сестер в этой травле судебного исполнителя Ла-Эрса, приведшей к серьезной профессиональной ошибке.

Какая такая профессиональная ошибка?

Все очень просто: арест был наложен вовсе не на ту квартиру, на двери которой мой младший братец изображал распятого. А на другую, прямо над этой, этажом выше. Мелкий страдалец в розовых очках вещал у входа в жилище вдовы Гриффар, владелицы дома. Так что в этой суматохе бригадир экспроприировал добро самой жалобщицы, полагая, что приручил злостного неплательщика, на которого она донесла. Его молодцы сапогами вышибли хозяйскую дверь. И что хуже всего, он, мэтр Ла-Эрс, неподкупный судебный исполнитель, собственной рукой сгрел вдовью сбережения себе в карман, думая, что заполучил грязные деньги какого-нибудь несостоятельного заморского съемщика. Ввиду столь малоприятного казуса я, Бенжамен Малоссен, торжественно восстаю против подобных затей...

— Да ладно тебе, Бен! Ты разве не хочешь, чтобы Шестьсу рассказал нам самое главное?

Хочу я или нет, зло уже свершилось, и мое веское слово может отправляться куда подальше.

— Что ж, рассказывайте, Шестьсу, только прежде подлейте мне чего покрепче: чувствую, я начинаю терять свою весомость.

Все это происходит в «Зебре», последнем оставшемся в Бельвиле кинотеатре. Стол накрыт прямо на сцене, и мы в восемнадцать ртов уплетаем кускус Ясины. Мое

племя Малоссенов: Клара, Тереза, Лауна, Жереми, Малыш, Верден, Это-Ангел, Джулиус, моя собака и Жюли, моя Жюли. Прибавьте сюда еще Шестьсу Белый Снег, естественно, нашу давнюю приятельницу Сюзанну, держательницу «Зебры», и весь многочисленный табор бен Тайеба, который, будь все по закону, спал бы сегодня в четырех голых стенах, в квартире, откуда уже давным-давно вынесли всю мебель. Восемнадцать голов, увязших по уши в наисерьезнейшем деле и, может статься, уплетающих свой последний кускус на свободе, в последнем действующем кинотеатре Бельвиля.

— Самое ужасное... — начинает Шестьсу Белый Снег. (Насчет этого нашего собрата разговор отдельный...)

— Самое ужасное — это было... мухи!

— Прошедшее! — вскрикивает Малыш из-под своих розовых очков. — «Было» — прошедшее третьего лица единственного числа глагола *быть*! *Это*: «э.т.о.», *было*: «б.ы.л.о.»! Ты должен был сказать: «*это были*» мухи.

— Допустим, — уступает Шестьсу Белый Снег. — А как у тебя со счетом в уме, парень? Ну-ка скажи, 2667 подгузников, каждый в среднем по 300 грамм, сколько это будет?

— Восемьсот кило дерьма! — прорывается Жереми.

— Жереми, ты забыл, что мы за столом, — скрипит Тереза, положив вилку: у нее подобные разговоры отбивают аппетит.

— Точно! Восемьсот килограмм и еще сто грамм в масленке.

Нет, это решительно никуда не годится, Тереза права. От всего этого омерзительно пахнет. Одно дело — приструнить разболтавшегося шалопаю. Время от времени

это даже необходимо. Но допускать безвкусицу, поправ всю историю культурного развития человечества, — никогда! Даже не думайте вслед за Шестьсу пускаться в долгие вычисления: если один грамм дерьма дает сонм зеленых жирных мух каждые шесть часов, то восемьсот килограммов того же сырья, преющего в течение трех первых недель самого жаркого месяца июля в одной из квартир Бельвиля (на солнечной стороне, да при закрытых окнах), дадут такое количество этой насекомой мерзости, пред которым бессильна всякая арифметика. Разве что подсчитать в сантиметрах толщину живого ковра, покрывшего всю площадь поверхности пола, потолка и стен.

Да, наш маленький пророк знал, что говорил: внутри было гораздо хуже.

— Вот видишь, Бенжамен, тебе тоже весело!

— Да, но меня забавляет не рассказ, а скорее сам рассказчик. Все-таки есть небольшая разница.

— И называется она «стиль», — уточняет Сюзанна, у которой на лице всегда свежесть, а в словах — толк.

— Знаем, знаем, — ребятня воротит нос, — он нас с пеленок дружит своим стилем!

(Я теряю всякую власть над ними, всякое культурное влияние... мои войска не слушаются команды. Мне, пожалуй, пора сделать ручкой и распрощаться с жизнью...)

— Итак, муха, проснувшись, взлетает, и ее сестричка делает то же самое.

— Они взлетели все разом?

— Когда большие руки открыли жалюзи — конечно!

— И что потом?

— Потом оказалось, что у них еще кое-что осталось в желудках.